

References

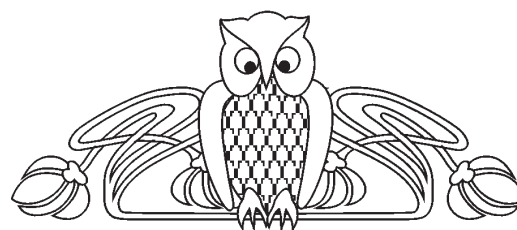
1. Rozov N. S. *Sotsialnaya filosofiya – eto dogma ili oruzhie protiv dogmy?* (Social philosophy – a dogma or a weapon against the dogma?), available at: www.nsu.ru/filf/rozov.
2. Rozov N. S. *Filosofiya i teoriya istorii. Prolegomeny* (Philosophy and theory of history. Prolegomena). Moscow, 2002. Vol. 1. 656 p.
3. Nielsen N. C. *Fundamentalism, Mythos and World Religions*. Albany, 1993. 186 p.
4. Giddens A. Fate, Risk and Security. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, 1991, p. 109–143. (Russ. ed.: Giddens E. Судба, риск и безопасность. *THESIS (Theory and History Economic and Social Institutions and Systems)*, № 5. Moscow, 1994. Pp. 107–134).
5. *Social Perspectives on New Age Religion?* Available at: http://en.wikibooks.org/wiki/Principles_of_Sociology/New_Agers_and_Fundamentalism.
6. Bruce S. *Fundamentalism*. Maldon, 2000. 250 p.
7. Forrest B. C., Gross P. R. *Evolution and the Wedge of Intelligent Design: The Trojan Horse Strategy*. Oxford, 2003. 416 p.
8. *Muslim Societies and the Challenge of Secularization: An Interdisciplinary Approach* / Ed. G. Marranci. L.; N.Y., 2010. Vol. 1. 258 p.
9. Dzhemal G. *Rossiya i islamskiy fundamentalizm* (Russia and Islamic fundamentalism), available at: www.archipelag.ru/authors/djemal/?library=967
10. Ignatenko A. A. *Ot Fillipin do Kosovo: Islamizm kak globalnyy destabiliziruyushchiy faktor* (From the Philippines to Kosovo: Islamism as a global destabilizing factor), available at: www.ng.ru/ideas/2000-10-12/8_islam.html
11. Asad T. Introduction. *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*. Stanford, CA, 2003. Pp. 1–17.
12. Jawad H. *Islam and Democracy in the Twenty-First Century Muslim Societies and the Challenge of Secularization: An Interdisciplinary Approach* / Ed. by G. Marranci. L.; N.Y., 2010. Pp. 65–82.

УДК 111

АНАЛОГОВОЕ И ДИГИТАЛЬНОЕ КАК ТИПЫ КОНСТИТУИРОВАНИЯ И ДЕСТРУКЦИИ СУЩЕГО

Ю. М. Дуплинская

Дуплинская Юлия Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет
E-mail: friaufva@inbox.ru

В аналоговом типе осмысления реальности за исходное начало принимается форма. В дигитальном типе за исходное начало принимаются формула и код. Примером аналогового типа является мышление античности. В античной науке отправным пунктом осмысления является форма, а формула всегда понимается на основе формы. Примером дигитального типа является западноевропейская наука. Здесь переворачивается отношение между формой и формулой. Форма здесь должна осмысляться на основе формулы. Ставится вопрос: исчерпаны ли эвристические возможности аналогового типа осмысления реальности? В биологии аристотелевская концепция «формы как первой сущности» заменяется формулой генетического кода. Но здесь, на наш взгляд, необъяснимо следующее. Генетический механизм передачи информации объясняет лишь то, как одна формула перекодируется в другую формулу. Остается принципиально непонятным, как формула может определять форму организма. Ведь механизм распространения формулы или кода может породить только фрактальные формы. По такому принципу совершается только вегетативный рост. Механизм самокопирования кода приводит к неограниченному фрактальному разрастанию во всех направлениях. Но формы высших организмов – это не фрактальные формы. Какой механизм ограничения препятствует

здесь неограниченному фрактальному разрастанию кода? Доказывается, что это – качественно иной принцип формообразования, который необъясним из логики самокопирования кода. Высказывается гипотеза о существовании дополнительного биологического механизма формообразования, который действует по аналоговому принципу.

Ключевые слова: аналоговое, дигитальное, эйдос, код, форма, формула.

Различие между аналоговым и дигитальным типами мышления введено в психолингвистику школой Г. Бейтсона. А. Дугин поясняет это на примере различия в принципах записи музыки на «виниле» (аналоговый способ) и на компакт-дисках (дигитальный способ). В первом случае напрямую передается непрерывный рисунок волны, во втором непрерывный процесс разделяется на множество атомарных частей, а затем собирается из дискретных элементов: «Итак, мы имеем континуальную (аналоговую) и дисконтинуальную (цифровую) технологии» [1, с. 279–280]. Это мож-

но сравнить также с различием между картиной, написанной красками, и картиной, составленной из кусочков мозаики; со скульптурой, вырезанной из цельного камня, и скульптурой, смонтированной из элементов. Мы предлагаем употребление терминов «аналоговое» и «дигитальное» в расширительном значении *альтернативных способов конституирования реальности*, в самом широком смысле неких общих принципов выстраивания как отвлеченно-теоретических, так и социокультурных миров, а также целого спектра формообразований культуры (живописи, скульптуры, литературы, техники и т.д.). Есть типы культур, в которых преобладают формы как бы «вырезанные» из цельного куска материала, и есть типы культур, в которых все «составляется из мозаики».

Возникает соблазн увидеть в этом дополнительные грани в различии между типами «социокодов». Но в данном случае мы предпочитаем воздержаться от употребления столь модного ныне термина, как «социокод». Дело в том, что само понятие «социокод» привязано, на наш взгляд, только ко второму из упомянутых, а именно – дигитальному способу конституирования реальности, который в современной культуре пришел на смену реальности эйдосов Платона и морфологии Аристотеля. Сравнивая типы трансляции опыта, можно также провести различия между двумя типами самокопирования, или самовоспроизводства культуры. Самокопирование, совершающееся по принципу кода («социокод»), основано на комбинаторике дискретных элементов и как таковое строится по дигитальному принципу. Напротив, самокопирование по принципу отношения платоновского эйдоса («образца») к вещам («копиям») можно уподобить аналоговой технологии.

При всем различии между «платонизмом» и «аристотелизмом», «идеализмом» и «материализмом» все же существует нечто общее, что отличает античную традицию от всякой другой (арабской, еврейской и т.д.). Это – онтология «образцов» (идей-эйдосов), понимаемых как *формы* для копирования (слова «эйдос», «вид», «образ» производны от глагола «эйдос» – вижу, созерцаю). Таким образом, эйдосы – идеи в понимании Платона – неразрывно связаны с созерцаемыми формами). Специфику этого типа конституирования реальности можно пояснить нагляднее всего, если допустить экстраполяцию понятия «матрица» на платоновский эйдос. Если, совершая, конечно, некое насилие над языком, мы сравним платоновские эйдосы с «матрицами», это будут не цифровые матрицы-коды, как в современной компьютерной технике, а матрицы как формы для литья, которые, отпечатываясь на материи, дают начало группам сходных предметов (сравнение эйдосов с матрицами – формами для литья – производится в исследовании В. Г. Вишневого)

[2, с. 47]. Правда, этот момент яснее прописан уже у Аристотеля: «первая сущность вещи», по Аристотелю, – это ее *форма*, или «морфэ» по-гречески. Таким образом, форма здесь считается исходным онтологическим началом, не выводимым ни из какого другого.

Если аналоговый тип конституирования реальности уходит корнями в античную традицию, то дигитальный восходит к традиции авраамических религий и отсылает к знаменитой строке Библии «В начале было Слово...» Отсюда происходит установка на комбинаторику дискретных элементов и слово-код. Эта трактовка характерна для таких традиций, как иудаизм и ислам. Как традиция Каббалы, так и мусульманский мистицизм связаны с комбинаторикой букв. Если аристотелевские «первые сущности» сравнивались с матрицами – формами для литья, то в онтологии кода эти матрицы нужно понимать в смысле цифровых матриц: кода, построенного из букв заданного алфавита. Проекция этих типов конституирования реальности в метафизическое измерение дает разные интерпретации творчества Божьего как прообраза всех прочих созидательных процессов. В первом случае – это Бог Платона, который понимается как «Бог-геометр», начинающий созидание Космоса с творения правильных геометрических форм. Во втором случае – это Бог Каббалы, создающий мир из Слова и запускающий все последующие модификации реальности как комбинацию и перекомбинацию букв изначального алфавита.

Итак, альтернатива между аналоговым и дигитальным типами конституирования реальности находит свое продолжение в различии между «онтологией эйдосов» и «онтологией кодов»; между «*формой*» и «*формулой*» как *исходными принципами осмысления сущего*. Рассмотрение этого различия помимо всего прочего позволит поставить под вопрос многое из того, что мы привыкли некритически принимать за «реальность, как таковую», как она есть «на самом деле». Фактически современное естествознание – это рационализация иудео-христианской трактовки Библии, или онтологии кода, пришедшей на смену онтологии эйдоса.

В аналоговой онтологии эйдоса за исходное онтологическое начало берется *форма*. Инструментарий формальной логики, разработанной Аристотелем, основан, в конечном счете, на геометрической интуиции формы: сравнения понятий и суждений по их «объему»: общие, частные и т.д. В логике Аристотеля можно увидеть вырожденную и истончившуюся до методологии онтологию античных эйдосов. В античной математике в основе понимания числа также лежала геометрическая интуиция как интуиция формы. Основой античной математики была геометрия. Здесь *формула* всегда отсылала к *форме*.

С дигитальной онтологией кода связан иной способ упорядочивания сущего. Основой логики теперь становятся не «*фигуры*» аристотелевских силлогизмов, а *коды* и *матрицы* символической логики – рациональные схемы, родственные приемам построения «слов» из заданного «алфавита». В этой парадигме радикальным образом меняется отношение между формой и формулой. Если в античной математике исходным началом была форма, а формула – производным, то в европейской математике наоборот – форма понимается на основе формулы. Основой математики становится не геометрия, а алгебра – традиция, идущая из мусульманского мира.

Различие между указанными типами осмысления реальности можно проиллюстрировать также, сравнив химию и алхимию. Вещества того же наименования в алхимии включались в контекст радикально иной структуры мышления, нежели в химии. В химии логика химических превращений понимается по тому же принципу, по которому из «букв алфавита» – химических элементов – строятся «слоги» и «части слов» (кислотные остатки, гидроксогруппы, свободные радикалы и т.д.), комбинированием которых затем формируются «слова» – химические вещества (кодовый, или алфавитный принцип). В алхимии же понимание превращений совершалось по принципу «вырезывания» формой некоего аморфного – гилетического начала: как наложение формы на материю (гиле), когда форма вырезает из материи определенные субстанции. Все вещества делились на два класса: мужские и женские. Первые несли в себе источник формообразования, а вторые – источник гилетического начала. Первоначальная дихотомия «мужское – женское» («форма – материя») порождала деление веществ, соответствующее стихиям – «воде», «земле», «огоню», «воздуху», где тоже делался акцент на преобладании либо активного, формирующего, либо пассивного, гилетического начала.

Но наиболее ясным и узнаваемым образом различие между аналоговой онтологией эйдоса и дигитальной онтологией кода можно проиллюстрировать на примере биологии. По Аристотелю, формы, например, собаки, лошади, человека – это неразложимые «первые сущности», и этих «первых сущностей», или форм столько же, сколько биологических видов. В современной же биологии те морфологические различия между видами, которые Аристотель связывал с формой как «первой сущностью», уже рассматриваются как производные из реальности кода – генетического. Генетику фактически можно рассматривать как одну из интерпретаций библейской фразы «В начале было Слово...» Глубокое родство «между генетикой и лингвистикой» констатирует Ж. Бодрийяр, замечая, что «генетический код должен рассматриваться как наиболее фундаментальная

из всех семиотических сетей» [3, с. 128]. Генетический код действует по тому же принципу, как текст строится из комбинации букв заданного алфавита. Роль исходного алфавита здесь играют нуклеотиды. Мир живых организмов иногда сравнивают с «издательством, где идет непрерывное распечатывание и редактирование текстов, их перевод с одного языка на другой и рассылка по разным инстанциям» [4, с. 261].

Теперь, если мы поставим вопрос о том, что более релевантно, с точки зрения современного естествознания, – аналоговый принцип аристотелевской морфологии либо дигитальный принцип кода, то, казалось бы, спорить не о чем. Кажется самоочевидным, что, с точки зрения современного естествознания, второе имеет несомненные преимущества перед первым. Но здесь возникает одна проблема, которая, на наш взгляд, настолько бросается в глаза, что просто удивительно, что ее никто не замечает.

Рассмотрим более детально то, что именно определяется генетическим кодом. Генетический код задает только одно: формулу молекул белка. Кодировается только порядок аминокислот. И больше ничего. Здесь просто идет «перевод» с одного языка на другой: «язык» нуклеотидов (в молекулах ДНК и РНК) переводится на «язык» аминокислот (в молекулах белка). Одна формула перекодирована в другую формулу – и ничего более. Но если то, как из одной формулы вытекает другая формула, понятно, то принципиально непонятно, на наш взгляд, другое: как из какой бы то ни было формулы может проистекать форма? Причем не «вторичная», «третичная», «четверичная» и т.п. формы молекул белка, которые вытекают из его формулы, а форма организма, которая есть нечто совсем иное, нежели «вторичная», «третичная» и т.п. формы молекул белка? И, добавим, не фрактальная форма и не форма динамического паттерна самоорганизации также, которые тоже есть нечто принципиально иное, чем формы высших организмов.

Теми формами, которые напрямую проистекают из формулы, могут быть только фрактальные формы. По такому принципу формообразования совершается вегетативный рост растений, рост колонии простейших или колонии полипов, а также рост раковой опухоли, там, где новой точкой роста может быть любой сегмент. Но ведь формы высших организмов, таких как рыбы, птицы, звери, не говоря уж о человеке, – это нечто принципиально иное, чем фрактальные формы. Возникает вопрос: что здесь мешает коду распространяться во всех направлениях, так, как это бывает при вегетативном росте растений? Можно ли в механизмах распространения какого бы то ни было кода (например, генетического) увидеть те самоограничения, которые препятствовали бы его фрактальному разрастанию во всех направле-

ниях и ставили бы границы бесконечно размножающемуся самоподобию формы? Там, где мы имеем дело с формами высших организмов, как будто действуют некие загадочные ограничения на фрактальное распространение формы. И эти ограничения, на наш взгляд, никак не вытекают и не могут быть поняты из логики кода. Дело здесь не в недостатке конкретно-научных знаний о принципах действия генетического механизма. Любые исследования в области генетики останутся лишь детализацией механизма действия кода, в то время как речь идет не о деталях этого механизма, а о необходимости качественно иного объяснительного принципа. Логика бесконечного разрастания текста всегда будет оставаться чем-то принципиально иным, нежели логика построения форм.

Так, может быть, здесь все-таки будет уместно вспомнить о платоновских эйдосах или об энтелехии Аристотеля? Создается впечатление, что в случае высших организмов действуют два качественно различные принципа формообразования, когда на логику фрактального распространения кода накладывается другая логика: энтелехии, или формы как той «первой сущности», о которой вел речь Аристотель. Причем второе действует по принципу ограничения по отношению к первому.

Рассмотрим, в частности, проблему, которая является камнем преткновения в споре между сторонниками «креационистской» и «эволюционистской» парадигм, а также поводом для разнообразных натурфилософских спекуляций. Это – проблема колоссальности того объема информации, который записан в геноме каждого организма. Например, объем информации, содержащийся в геноме человека, равен 10^{24} – 10^{26} бита. Если это представить наглядно, в виде текста, записанного четырехбуквенным алфавитом, то этот текст будет содержать 3 млрд знаков. «Чтение этого текста со скоростью 1 буква в секунду заняло бы 31 год, если бы продолжалось без перерыва день и ночь, а для его печати стандартным шрифтом потребовалась бы стопка листов высотой с монумент Вашингтона» [5, с. 23]. Эти впечатляющие примеры демонстрируют, насколько огромен объем информации, содержащийся в каждой клетке нашего тела.

Попытка справиться с такого рода сложностями заставляет некоторых исследователей прибегнуть к гипотезе существования биополевых структур. Речь о биополе уже ведется не только в оккультной литературе или в натурфилософских спекуляциях, но и на стыке философии и естествознания. Здесь можно, в частности, сослаться на идеи Н. И. Кобозева и А. К. Манеева (80-е гг. XX в.), которые высказывали предположение, что запись информации о нашем организме «осуществлена на некотором суперустойчивом субстрате полевого типа, непосредственно не вступающем

в обмен веществ <...> вещественные подсистемы (ДНК, клетки, органы, ткани и т.д.) выступают элементами многоуровневой кодовой системы, выражающей информацию организма, фактически заключенную в виде голограммы в его полевого подсистеме» [6, с. 358–359]. Можно сослаться также на концепцию А. А. Силина, который считает, что такой колоссальный объем информации, как тот, который содержится в геноме человека, не может уместиться в двух половых клетках – гаметах. Поэтому нужно предположить, что в гаметах содержится только стартовый объем информации, а остальная информация поступает поэтапно, по мере развития зародыша, из матрицы, записанной на уровне «биоморфного поля» [7].

Но не воспроизводит ли концепция матрицы, записанной на уровне биополя, аналогичную проблему: как (и «кем») столь огромный объем информации оказался там записанным? Более того: даже если мы переадресуем эту проблему в «самую высшую инстанцию», каковой является Бог – создатель мира, – то и это, на наш взгляд, мало что поможет объяснить. Если некоторые биологи считают абсурдным допущение, что такой сложный информационный код, как молекула ДНК, возник в результате слепого случая, то предположение о том, что Бог создавал организмы по дигитальному принципу, подбирая в нужном порядке код из нуклеотидов, является немногим менее абсурдным. Наша интуиция сакрального может допустить «Бога-геометра», каковым является Бог Платона, но вопиет против идеи Бога-программиста.

Если уж принимать гипотезу биополя (которая, заметим, высказывается не впервые и высказана не нами), то почему бы не добавить к ней предположение, что существует уровень биополевых образований, где вся эта информация «записана» по аналоговому принципу (наподобие платоновских эйдосов) и только потом переводится в «дигитальную» запись? Тогда генетический код может быть понят как результат дигитальной реконструкции некоего изначально непрерывного рисунка, подобно тому, как звук, записанный по дигитальному принципу на компакт-дисках, представляет собой лишь реконструкцию того, что когда-то было непрерывным рисунком звуковой волны.

В свое время проблема «простоты» и «сложности» живых организмов была поставлена А. Бергсоном. Он считал видимую сложность организма лишь результатом аберрации нашего восприятия, подобной попытке дать мозаичную реконструкцию картины, написанной красками. «Простота в этом случае принадлежит самому предмету, бесконечная сложность – тем точкам зрения на него <...> с помощью которых мы пытаемся искусственно имитировать этот предмет, но с которыми он остается несоизмеримым, ибо

природа его совершенно иная. Гениальный художник нарисовал на полотне человеческое лицо. Мы можем имитировать эту картину при помощи разноцветных квадратиков мозаики <...> Но понадобилось бы бесконечное число бесконечно малых элементов, выражающих бесконечность оттенков, чтобы получить точный эквивалент того лица, которое художник постиг как нечто простое, которое он захотел целиком перенести на полотно и которое тем более совершенно, чем полнее выражает единую неделимую интуицию» [8, с. 112–114]. Это гениальное прозрение А. Бергсона, идеи которого до сих пор остались как бы маргинальными и не востребуемыми в современной биологической науке, может обрести новое дыхание. Идеи Бергсона стоит лишь скорректировать тем, что речь идет не просто об aberrациях нашего восприятия, но о биополевом «этаже» записи информации (по аналоговому принципу), который реконструируется на нижнем «этаже» генетического кода (по дигитальному принципу).

Различия между типами конституирования реальности находят свое продолжение в *различиях между типами разрушительных процессов*. Специфика таковых в современной культуре может быть выражена словами Ж.Бодрийяра: «мы научились справляться с болезнями, имеющими форму, но окажемся бессильными перед патологией формулы» [9, с. 94]. Символами патологии современного общества становятся *рак*, *СПИД* и *шизофрения* – заболевания, либо неизвестные вообще, либо не составлявшие сколько-нибудь серьезной проблемы для предыдущих обществ. Что общего между тремя этими заболеваниями и что отличает их от чумы, холеры и прочих инфекционных болезней, бывших в свое время главным бичом традиционных обществ? Дело в том, что в основе каждого из этих трех заболеваний находится «вирулентное», или вирусное начало, понимаемое в широком смысле – как «слипание» и смешение кодов. Этому предшествует развоплощение реальности до «чистых» информационных матриц, освобожденных от телесной оболочки. Если бактерия – это организм («патология формы»), то вирус – это код, матрица в чистом виде («патология формулы»). Речь, конечно, идет не только и не главным образом о заболеваниях в узком – медицинском смысле этого слова. Речь идет о некоем общем типе патогенных процессов, характерном для самых разнообразных сфер культуры, строящейся по дигитальному принципу.

Ж. Бодрийяр обращает внимание на противоречия между «логикой формулы» и «логикой формы». Современная культура вступила в эру «симулякров третьего порядка», основой которых является логика кодов и информационных матриц. Здесь развитие культуры начинает уподобляться вегетативному росту растений или росту раковой опухоли, где «индивидуум представляет теперь

некий раковый метастаз формулы». Это «... кладет конец целостности – конец тела, чей секрет заключался в том, что оно не может быть разделено на клетки, а представляет собой неделимую конфигурацию» [9, с. 186]. Код разрушает эйдетику формы. Тело как некая целостная конфигурация начинает растворяться в сети кодов и информационных матриц. Форма растворяется формулой.

Этот тип разрушительных процессов сравнивается в постструктурализме с шизофреническим бредом культуры. Специфика деструктивных процессов в случае клинической картины шизофрении характеризуется не отлетом от реальности, а фрактальной заполненностью всего психического пространства. В основе такого фрактального роста, как уже было показано, находится экспансия кода, освобожденного от эйдетики тела. Термин «шизопроцесс», введенный философией постструктурализма, применяется для характеристики не только душевной патологии, но и фрактального разрастания «ликвидации посредством переизбытка», в которые вовлечены все сферы современной культуры: наука, искусство, экономика, политика и т.д. Вообще то, что для характеристики разрушительных процессов сегодня используются термины, традиционно применявшиеся для характеристики душевной патологии, является глубоко символическим, если вспомнить, что понятие «душа» в платоно-аристотелевской традиции как раз было связано с такими понятиями, как «эйдос» и «форма». Растворение эйдоса в сетях кодов и информационных матриц означает помимо всего прочего и разрушение того, что в античной культуре было неразрывно связано с понятием «душа». Может ли какой бы то ни было «код», от генетического кода до социокода, заменить эту самую «энтелехию», форму как «первую сущность», которая, согласно Аристотелю, и есть не что иное, как душа?

Разрушение эйдетики образа машинерией кода можно проиллюстрировать литературным сюжетом, созданным фантазией С. Лема. Блестяще остроумная антиутопия С. Лема описывает общество, в совершенстве овладевшее генной инженерией и достигшее полной свободы манипуляции кодом. В результате на смену прежнему виду – «человеку разумному» – приходит новый вид – «самодел разумный», который сам может наделять себя любыми телесными формами. «Самодел разумный» неизбежным образом ставит вопрос: из чего вытекает необходимость именно гуманоидной формы? Разве нельзя усовершенствовать недоработки биоэволюции? «Упразднение естественного человека шло полным ходом <...> Увеличилось число разрешенных полов. Наряду с мужчиной и женщиной появились двужчина, дваба и два вспомогательных пола – уложники и поддержанки <...> Начались конфликты отцов и детей, ибо появились бунтари

под флагом аскезы <...> Молодежь принимала намеренно безобразные формы, на редкость неудобные (жутяги, тошнотелы) <...> Появились так называемые нижние уклонисты, которые множили число конечностей нелегально; а на следующей стадии, когда власть еще более ужесточилась, опять появились языконогти и прочие бунтарские органеллы... Появился манифест, призывающий к созданию головотопа, который ходил бы на голове...» Там, где эйдетика тела развоплощена до кода, «на смену кошмарам прежних ограничений приходит кошмар полного их отсутствия» [10, с. 221–252]. Антиутопия С. Лема иллюстрирует вывод: человеческий образ может быть понят только в рамках онтологии эйдоса и разрушается в рамках онтологии кода. Не ожидает ли нас в обозримом будущем трансформация (или разрушение?) образа человеческого не только в культуре и искусстве, как это совершилось уже, но и в самой реальности? И не только в переносном, но и в самом прямом – морфологическом смысле?

Список литературы

1. Дугин А. Философия традиционализма. М., 2002. 624 с.
2. Вишневецкий В. Г. Разум и разумность (опыт античной и православно-святоотеческой метафизики разума). Саратов, 2002. 168 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. 387 с.
4. Тростников В. Н. Научна ли «научная картина мира»? // Новый мир. 1989. № 12. С. 257–263.
5. Коллинз Ф. Доказательство Бога. Аргументы ученого. М., 2008. 216 с.
6. Манеев А. К. Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека // Русский космизм. М., 1993. С. 354–366.
7. Силин А. А. Лестница природы // Философские науки. 1997. № 2. С. 137–151.
8. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998. 384 с.
9. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. 258 с.
10. Лем С. Звездные дневники Й. Тихого // Лем С. Приключения Йона Тихого. М., 2006. С. 5–344.

The Analog and the Digital as the Types of Construction and Destruction of Being

Yu. M. Duplinskaya

Saratov State Technical University
Ulitsa Politekhnicheskaya, 77, 410054 Saratov, Russia
E-mail: friaufva@inbox.ru

The analog type of thinking reality takes the form as initial point of reflection. The digital type takes as initial points of reflection the formula and the code. Example of analog type of reflection is thinking of antiquity. In antique science starting point of reflection is a form, and the formula is always based on the form. Example of digital type of reflection is Western science. It turns over the relationship between the form and the formula. The form here is understood on basis of the formula. Let's question: does the cognitive capabilities of analog type reflection are exhausted? In biology Aristotle's conception of «form as the first essence» is replaced by the formula of genetic code. But here, in our view, is inexplicable following point. Genetic mechanism of information transference only explains how a formula is converted to another formula. But it remains fundamentally incomprehensible how formula can determine the form of body. This mechanism of multiplication of formula or code may generate only fractal forms. On this principle is only vegetative growth takes place. Mechanism of code's self-replication leads to unrestricted fractal growth in all directions. But forms of superior organisms – are not fractal forms. What mechanism of limitation prevents here unrestricted fractal code spreading? We prove that it is qualitatively different principle of formation, which cannot be explained by logic of the code's self-replication. We advance hypothesis about the existence of additional biofield mechanism of form-creation, which operates on the analog basis.

Key words: analog, digital, eidosis, code, form, formula.

References

1. Dugin A. *Filosofiya traditsionalizma* (The philosophy of traditionalism). Moscow, 2002. 624 p.
2. Vishnevskiy V. G. *Razum i razumnost (opyt antichnoy i pravoslavno-svyatootecheskoy metafiziki razuma)* (The reason and the reasonableness {experience of ancient and Patristic orthodox metaphysics of mind}). Saratov, 2002. 168 p.
3. Baudrillard J. *Symbolic exchange and death (Theory, Culture & Society)*. L., 1993, 254 p. (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *Simvolicheskiy obmen i smert*. Moscow, 2000. 387 p.)
4. Trostnikov V. N. Nauchna li «nauchnaya kartina mira»? (Is scientific the «scientific picture of the world»?) *Novyy mir* (New World), 1989, no. 12, pp. 257 – 263.
5. Collins F. *The Language of God: A Scientist Presents Evidence for Belief*. L., N.Y., 2007, viii, 294 p. (Russ. ed.: Kollinz F. *Dokazatelstvo Boga. Argumenty uchenogo*. Moscow, 2008. 216 p.)
6. Maneev A. K. Gipoteza biopolevoy formatsii kak substrata zhizni i psikhiki cheloveka (Biofield substance hypothesis as the substrate of life and human psyche). *Russkiy kosmizm* (Russian cosmism). Moscow, 1993, pp. 354–366.
7. Silin A. Lestnitsa prirody (Staircase of nature). *Filosofskie nauki* (Philosophical Sciences), no.2, 1997, pp. 137–151.
8. Bergson H. *Creative evolution*. N.Y., 1998, 432 p. (Russ. ed.: Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya*. Moscow, 1998. 384 p.)
9. Baudrillard J. *The transparency of evil: essays on extreme phenomena*. N.Y., 1993, 174 p. (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *Prozrachnost zla*. Moscow, 2000. 258 p.)
10. Lem S. Zvezdnyye dnevniki Yyona Tikhogo (Star diaries of Ijona Pacific). Lem S. *Priklucheniya Yyona Tikhogo* (Adventures Ijona Pacific). Moscow, 2006, pp. 5–344.